

о двух ногах, которые всегда за ними ходят... Я не видал народ благочтительнейший, священников воздержнейших, чернцов, которые лучше подавали жития образ. Одни только благородные и вельможи приходят, дабы позабавиться, поговорить и делать любовь свою». Особенно сильно нарисована картина работы суда: «Тут бы Диоген с фонарем не сыскал двух друзей и одного человека удвольствованного. Тут неправедные взятки, тут закладов неправедное удержание, имений от душеприказчиков похищение и рыдание вдовиц и сирот».

Многое из этих «нравов» было знакомо Кантемиру и по России, но многое здесь было другим. Он не мог удовлетвориться ни этими переводами, ни переводами сатир Буало, которые он начал тогда, хотя они, в отличие от «Письма», приравнивались к русской жизни, даже с политическими намеками. Конечно, пример Феофана, с его «русскими» сатирами на латинском языке, должен был оказать на Кантемира влияние. Мы знаем некоторые темы сатир Феофана: «на плохих поэтов, на презирателей наук».⁵¹ Но самих сатир нет, а в отрывке, что привел Кантемир, речь идет о другом — о воцарении «проклятой роскоши», после того как девушка получила в приданое деньги, добытые нечестным путем. Может быть, роль Феофана-сатирика была гораздо большей, если сатиры его посвящены «испорченным нравам века». Может быть также, что сходство сатиры «На хулящих учение» с феофановской на презирателей наук не ограничивается сходством названий — от этого менялось бы многое, но отсутствие текста и даты написания сатиры Феофана не дает возможности пересмотреть традиционные взгляды на появление первой русской сатиры. Кантемир подчеркивал, что она «ни с чего не имитована, понеже из сатириков никто особливую сатиру на хулящих учение не делал».

Появление сатиры «К уму своему», вызвавшее восторг «всех честных» и гнев «многих», которым она «колола глаза всеконечно», показывало, что Кантемир нашел свое призвание, что на многие вопросы он уже умел дать ответ так же уверенно и смело, как ответил «желающим знать, кто его поставил судьбою». Он признавался, что «стихи писать против неприличных действий и слов» — не только его долг, но и страсть. И он поклялся до конца жизни «не престать» писать сатиры — и выполнил свое обещание.

⁵¹ Satyras contra corruptos saeculi mores, contemptores bonarum artium, contra insulsos poetas aliosque frigidis scriptores. И. Ч и с т о в и ч. Феофан Прокопович и его время, стр. 599—600.